

*Тихая семейная
история*

*Алекс
Норвич*

16+

Алекс Норич

Тихая семейная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65842986

SelfPub; 2021

Аннотация

Странная смерть бывшей звезды большого тенниса, дочери владельца крупной компании и жены талантливого инновационного предпринимателя поставила в тупик и полицию, и ее собственную семью. Обстоятельства смерти указывают на самоубийство, хотя, на первый взгляд, у Виктории Гольдкорн не могло быть причин для такого радикального решения. Пытаясь понять, что заставило молодую успешную женщину совершить необратимый поступок, члены ее семьи погружаются в атмосферу взаимных подозрений. Каждый из них начинает осознавать, что многого не знает о самых близких людях, и ни один из них больше не чувствует себя в безопасности.

Алекс Норич

Тихая семейная история

ТЕНИ В ОТРАЖЕНИЯХ

Даниил

– Дэниел? Мистер Лебедев просил Вас перезвонить ему, как только закончится встреча. – Голос Нэйтана, менеджера нашего офиса в Сиэтле, звучал чуть настойчивее, чем обычно. – Это срочно.

Лаконичное дополнение заставило меня похолодеть: невозмутимый и компетентный Нэйтан никогда не говорил лишних фраз. Ни единой. Я суетливо извлек из кармана мобильный и увидел пару пропущенных звонков от Егора.

– Спасибо, Нэйтан... Не знаешь, в чем дело?

Он покачал головой:

– Мистер Лебедев не уточнял. Кажется, он был чем-то встревожен.

Я коротко кивнул и двинулся в сторону выхода, пытаюсь сохранять спокойствие под провожающим взглядом Нэйтана, но с каждой секундой невольно ускоряя шаг. За много лет знакомства я лишь однажды слышал тревогу в голосе моего лучшего друга и делового партнера: три года назад, когда

наша IT-империя оказалась на грани краха.

Клятый лифт где-то застопорился (высокотехнологичный офис, зашибись!), и я поспешил к широкой стеклянной лестнице. Что могло произойти? С кем? Проблемы с бизнесом? С дочерью? Но тогда бы мне позвонила Вика... Вика, моя жена. Почему позвонила не она?.. К гигантским стеклянным дверям офиса я уже практически бежал, мельком фиксируя на себе удивленные взгляды сотрудников. Оказавшись, наконец, на улице, я коснулся пальцем экрана мобильного – и вдруг замер, страшась сделать следующий шаг. Стеклянная гладь фасада офиса «Айвилис Текнолоджис» показалась мне хрупкой, как первый лед на поверхности лужи: стоит дотронуться – и она осыплется на темный асфальт. Сейчас я услышу голос Егора, и мой мир пойдет трещинами. Конечно, звонок Егора все еще мог оказаться срочным деловым вопросом, но в глубине души я знал, что это не так. Мы как будто устали от собственного благополучия, и с некоторых пор за идеальным фасадом нашей жизни наметились невидимые надломы. Внутренне съежившись, я осторожно нажал на кнопку вызова. Егор ответил мгновенно, как будто все время держал телефон наготове.

– Привет, Дань.

– Что случилось? Где Вика?

На том конце линии Егор судорожно втянул в себя воздух. Когда он заговорил, я с трудом узнал его голос.

– С Викой произошел несчастный случай. Дома.

– Она жива?

Пауза.

– Нет.

Как после взрыва водородной бомбы, в моей голове воцарился абсолютный вакуум. Этого я не ожидал. Только не этого.

– Как это произошло? – Мой собственный голос тоже прозвучал как чужой.

– Не совсем ясно. Домработница обнаружила ее те... В общем, она лежала в гостиной. Кажется, потеряла равновесие и ударилась виском об угол камина. Очень странно. Хотя не похоже, чтобы это было как-то связано с... ну, ты понимаешь, с той историей трехлетней давности. На первый взгляд все выглядит как кошмарный несчастный случай. Домработница позвонила Лике, а Лика – в полной истерике – мне. Когда сможешь вылететь? С точки зрения полиции ситуация не совсем однозначная, поэтому они будут проводить какие-то действия. Хотя это пустая трата времени, как по мне. – Егор замолчал, возможно, ожидая от меня реакции, но я отупело молчал, и он неловко продолжил. – Мне очень жаль, друг. Понимаю бессмысленность любых словесных соболезнований. Как только определишься с рейсом, дай знать: встречу тебя в аэропорту. Мы с Ликой возьмем к себе Алису на столько времени, на сколько потребуется.

О господи... Что я скажу дочери? Мой окаменевший мозг постепенно начал осознавать масштаб катастрофы.

– А как... Лика? Как родители?

– Лика – плохо, родителям мы пока не сказали, в курсе только ты и Соня. Она держится, мы с ней сейчас поедem к Пшеничникову, а потом, видимо, он сам расскажет жене. Все это – ад, придется через него пройти.

Вечером того же дня, уткнувшись лбом в стекло иллюминатора, я апатично наблюдал за неуклюжими маневрами огромного Боинга, лавировавшего в сторону взлетной полосы нью-йоркского международного аэропорта. Через девять часов он приземлится в Шереметьево, и весь кошмар происходящего обрушится на меня с новой яростью. Но сейчас мозг отказывался принять факт Викиной смерти и упрямо разворачивал передо мной в 3D-формате картины двенадцатилетней давности. В то время все мы находились в начале линии жизни, внезапно перечеркнутой звонком моего друга.

Наши с Егором пути впервые пересеклись еще в десятом классе, во время финала Всероссийской олимпиады школьников по программированию. Потенциальная победа на ней открывала широчайшее окно возможностей, и острота конкуренции нещадно давила на всех финалистов. Кроме Егора. Двухметровый атлет с полными юмора глазами, точеной линией челюсти и породистым носом выглядел почти неуместно среди неспортивных школьников обоих полов, нескладных, неуклюжих, с вечно невымытыми волосами. Однако я быстро понял, почему Егор оказался в финале Всероса: в на-

рушение законов вселенской справедливости, его физическое совершенство дополнял мощный интеллект математика. Впрочем, непринужденность и дружелюбие моего нового знакомого постепенно смягчали иллюзию общения с ницшеанским сверхчеловеком.

– Твоя мама согрешила с Аполлоном? – не удержался я, встретив его как-то после пробежки (пока мы все, тревожные и нервные, бесконечно решали заумные задачи в попытках стимулировать мозг, Егор продолжал невозмутимо бегать по утрам).

Он беззаботно рассмеялся.

– Я из Кургана, знаешь, где это? Аполлон туда не заглядывает. И вообще у меня очень простая семья, даже слишком простая. Но я собираюсь это исправить. Ну а ты? Мальчик из профессорской семьи?

– А как же. Очкарик-ботан из сталинки на Ленинском проспекте, как положено. Ни одна уважающая себя девушка ни разу не взглянула на меня дважды. Во мне 170 см роста, но я собираюсь это исправить.

Мы дружно расхохотались. Взаимные шуточные признания в непомерных амбициях зародили в нас чувство товарищества, которое лишь крепло в последующие годы и постепенно переросло в настоящее братство.

Мы оба поступили на мехмат и упорно пробивали себе дорогу в успешное профессиональное «завтра». Я мечтал о работе в Яндексе или Гугле, а Егор – об удачном стартапе,

однако случай распорядился иначе. На третьем курсе у Егора появилась новая девушка, первокурсница Соня. Меня удивил его выбор: на фоне предыдущей Егоровой девушки она смотрелась достаточно скромно. Умеренно миловидное лицо, хорошие манеры – но не более того.

– Как тебе Сонька? – любопытно спросил Егор на следующий день после моего с ней знакомства.

– Приятная. Но выбор довольно странный для тебя: до сих пор ты предпочитал красоток.

– Я думал, ты обрадуешься. Ты же всегда удивлялся, как мне удается находить темы для разговора с Кристинкой, которая не столько учится, сколько тусуется где только может.

– А ты всегда отвечал, что девушка тебе нужна не для разговоров.

– Я взрослею, друже! – добродушно усмехнулся Егор.

Вскоре стало ясно: выбор в пользу тихой и скромной Сони предопределил не только его судьбу, но и мою.

– Я тебе говорил, что Сонин отец владеет молодой и предприимчивой IT-компанией с большим потенциалом? – спросил меня как-то Егор в середине второго триместра.

– Упоминал пару раз.

– Так вот, сейчас он ищет перспективных программистов, которые смогут дать компании импульс к быстрому развитию. Не хочешь попробовать? Я и сам его ни разу не видел. Кстати: они живут за городом, и пока меня туда не пригла-

шали.

– Сонино желание внедрить тебя в отцовскую компанию вполне понятно, учитывая ваши отношения. Я так понимаю, отец готовит ее для работы в «Айвилисе»?

– Какая разница, чем руководствуется Сонька? Мы-то с тобой знаем, на что способны.

Через пару дней, подбадриваемые Соней, мы застенчиво мялись у входа в кабинет Пшеничникова.

– Смелее, ну! – усмехнулась Соня, тихонько подталкивая нас к двери. – Папа держится сурово, но, поверьте, умеет рассмотреть талант.

Мы робко зашли гуськом в огромное, залитое апрельским солнцем пространство, лаконичное, импозантное, расчерченное прямыми линиями. Даже Егор, которого обычно трудно было смутить, двигался осторожно, как будто шел по тонкому льду. Слишком современным выглядел офис «Айвилис Текнолоджис», слишком многое говорил об амбициях и целях его владельца. Сдержанно-высокомерные манеры и неприступная внешность Пшеничникова несколько не помогли нам расслабиться. Из-за вертикальной морщины на переносице и глубоких заломов, тянущихся от носа к углам рта, он казался старше своих сорока шести лет. Соня как-то рассказала Егору по секрету, что за несколько лет до их знакомства Пшеничниковы в результате несчастного случая потеряли восьмилетнего сына. В семье старались не касаться темы трагедии, но возможно, именно она оставила суровые

следы на аристократическом лице Сониного отца.

В итоге Соня оказалась права: несмотря на отстраненность и холодность, Пшеничников заинтересовался нами, и уже через пару недель мы оба приступили к работе в «Ай-вилисе».

Годом позже, в ясный апрельский день, мы сидели втроем в том же кабинете, но теперь здесь царило совершенно иное настроение. Наша троица с головой окунулась в обсуждение нового проекта под интригующим названием «Диоген». Де-тищу бессонных ночей и бесконечных часов, проведенных за мониторами, предстояло стать ракетой-носителем для запуска «Айвилис Текнолоджис» в IT-космос. Увлеченные конструктивными спорами, мы не сразу заметили, как в приоткрытую дверь кабинета проскользнула светловолосая кудрявая девушка-подросток лет пятнадцати. Она была высокой и длинноногой, а уверенная осанка, широкие плечи и атлетические руки сразу выдавали в ней спортсменку. Кошачий разрез больших серых глаз, высокие скулы, аккуратный нос и скульптурные губы довершали впечатление. Красивее ее я никого в своей жизни не видел.

Бросив мимолетный взгляд в нашу сторону, девушка бесстрашно подошла к Пшеничникову, и ее лицо озарилось живой улыбкой.

– Пап, привет! – произнесла она мягким, но неожиданно низким голосом, в котором сквозили смешливые нотки, как

будто все, что происходило вокруг, ее забавляло. – Я жду-жду, когда ты освободишься, а у тебя какое-то нескончаемое совещание. Мне уже пора на тренировку, но не могла же я уйти, не обнявшись.

Встречная улыбка мгновенно стерла с лица Пшеничникова его обычное отстраненно-замкнутое выражение.

– Привет, мелочь, молодец, что не постеснялась войти! Ты редкий гость в офисе, вряд ли тебе по силам нарушить рабочий процесс. Знакомься: Даниил и Егор, мои самые перспективные программисты. С их помощью, я надеюсь (и даже верю в это), мы вот-вот совершим инновационный прорыв. – Он повернулся к нам. – А это, как вы уже поняли, моя дочь Александра. Для своих просто Лика.

У меня мелькнула мысль, почему Пшеничников не упомянул об отношениях Сони и Егора, однако она испарилась, не успев оформиться, как только Лика одарила нас любопытным взглядом из-под темных ресниц. Хотя о чем я? Не на нас, а на Егора она смотрела неотрывно, застыв на месте в случайной и наверняка неудобной позе. Я ему не завидовал, нет. За годы дружбы я привык к ошеломленной реакции женщин всех возрастов на его физическое совершенство. Лишь заметив, что и Егор смотрит на Лиду зачарованным взглядом, я ощутил странное чувство утраты: у меня на глазах рождалась новая замкнутая система, в которой мне, к сожалению, вряд ли найдется место. Впрочем, сознание тут же отмело эту мысль. Лика почти ребенок, а Егор уже встреча-

ется с ее старшей сестрой. Эти замкнувшиеся друг на друге взгляды, эта невидимая нить между ними – всего лишь взаимное притяжение красоты. Они будут смотреть друг на друга, а я буду смотреть на Лику, пока она не кивнет нам на прощание и не упорхнет из светлого кабинета, а мы вернемся к своей обычной жизни.

Но я ошибался.

Егор

Надеюсь, Вика недолго лежала на полу своей стерильно-снежной кухни, прежде чем домохозяйка нашла ее тело. Упрямо всплывающая в голове картина пугала, и я усилием воли пытался гнать ее от себя. Но это было непросто: слишком легко представить на ее месте Лику, мою собственную жену. Каково ей сейчас – близнецу, лишившемуся своего второго я? А ее родителям? Как отреагирует маленькая Алиса, когда узнает, что мамы больше нет? Мысль о нелепости Викиной смерти вызывала у меня физическую тошноту. Как можно было упасть на ровном месте и смертельно удариться виском об угол камина? Возможно, если бы кто-нибудь пришел раньше и вызвал скорую, Вика осталась бы жива. Но с другой стороны, если бы Данька не уехал в Сиэтл, а Вика все же погибла, он автоматически оказался бы под подозрением. Странная смерть замужней женщины всегда бросает тень подозрения на мужа. Я поморщился: бедный Даня! Он

обожал Вику, любил ее почти маниакально, на мой взгляд. Несмотря на несомненный Данькин талант и успехи в бизнесе (концепция Диогена принадлежала ему), центром его мира была Вика. Меня всегда удивляло, как ей удавалось в течение стольких лет удерживать на себе его пристальное внимание. Даже наша с Ликой любовь, начавшаяся как взрыв сверхновой, с годами все же перешла в более спокойное русло. И вот теперь на месте Вики в его личной вселенной зияет черная пустота, заполнить которую Дане будет непросто. Любые подозрения его бы доконали. Но, по счастью, у него неурушимое алиби.

Мои мысли продолжали возвращаться к моменту двенадцатилетней давности, когда я впервые увидел Вику. В тот вечер я уже в пятый раз за неделю отправился забрать Лику с вечерней тренировки.

Ответ на вопрос, возможна ли любовь с первого взгляда, я получил в тот миг, когда Лика бесцеремонно ворвалась в кабинет своего отца. К моменту ее ухода я понял, что без нее мир теперь будет для меня серым и скучным. С точки зрения меня тогдашнего, это чувство было чистым безумием. Я, двадцатидвухлетний студент-провинциал, неистово влюбился в пятнадцатилетнюю дочь владельца компании и, по совместительству, отца моей девушки. Но с этим ничего нельзя было поделать, ничего: мой мир с остротой лазера сфокусировался на длинноногом подростке с громадными глазами, в которых смешливые искорки странным образом перепле-

тались с потаенной растерянностью. Казалось, что Лика все время хочет о чем-то спросить, но не может решиться. Именно в этот взгляд я влюбился безрассудно и безвозвратно. Из осторожности, с одной стороны, и уважения к Пшеничникову и Соне, с другой, – я, наверное, мог бы противостоять ее триумфальной красоте. Но только не этому взгляду.

– Так о чем мы говорили? – Разрушил мой транс Пшеничников. – Ребенок вторгся, не стесняясь, и я благополучно потерял нить разговора.

– А почему ребенок не в школе? – полюбопытствовал Дания.

– Они с Викой учатся экстерном. Обе профессионально занимаются теннисом. Точнее, готовятся к переходу в профессиональный теннис. Как раз сейчас для них наступает переломный момент, поэтому тренироваться приходится дважды в день, шесть дней в неделю.

– Какие разные пути у ваших детей. – Изумился Дания. – Соня на мехмате, а младшие сестры – в спорте.

– Да, у детей всегда была полная свобода выбора. Я не приветствую семейное профессиональное почкование по горизонтали.

Зная Пшеничникова, я сильно сомневался в свободе выбора у его детей, но предпочел сохранить свое мнение при себе.

Дания рассмеялся.

– А я как раз отпочковался: у нас в семье все так или иначе

связаны с математикой, вот уже третье поколение.

– Это не почкование, а династия. – Улыбнулся Пшеничников, и в его голосе сквозило уважение.

– А где вторая теннисистка? – Поинтересовался Даня.

– Вика в Загребе, на турнире. Лика тоже должна была ехать, но во время подготовки умудрилась заболеть бронхитом. Теперь потихоньку восстанавливает форму. Кстати, кто-нибудь из вас может забрать ее с вечерней тренировки? Она уже вторую неделю фактически предоставлена сама себе. Вика с матерью – в Хорватии, Соня – на студенческой конференции в Китае, а я... Вы и сами знаете: я провожу в «Айвилесе» куда больше времени, чем дома. В школу Лика не ходит, и получается, что сейчас она общается только с репетиторами и прислугой. Боюсь, девчонка совсем одичает.

Даня уже начал отвечать, когда ко мне вернулся дар речи, и я перебил его, даже не пытаясь закамуфлировать отчаянный интерес.

– Я могу! У меня сейчас пакет задач, который не требует постоянного присутствия в офисе. Где и во сколько ее забрать? На такси?

Даня бросил на меня быстрый испытующий взгляд, однако умолк на полуслове и больше не проявлял инициативы.

– Ее будет ждать водитель, который потом и тебя отвезет домой или куда ты там собираешься сегодня вечером.

В тот день я не мог больше ни на чем сосредоточиться, как и всю следующую неделю. Многие эпизоды того апреля

я до сих пор помню так, как будто все было вчера: в симфонии красок, звуков и запахов. В куртке нараспашку я шагнул вдоль парковки к длинному, похожему на огромный ангар зданию кортов и взволнованно жмурился в лучах заходящего солнца. Город еще не расстался с ершистым настом на обочинах, но асфальт уже подсох и прогрелся. Внутри меня что-то все время ныряло, как на аттракционах в Диснейленде, а мозг почти полностью утратил способность к критическому мышлению, генерируя одни лишь эмоции. Я ждал Лику в большом кафе в вестибюле спорткомплекса, поминутно бросая на часы беспокойные взгляды. А когда она, наконец, появилась в дверях кафе, раскрасневшаяся и взъерошенная, я вскочил со стула, едва его не опрокинув.

Но я волновался напрасно: все оказалось очень просто с Ликой, этой девушкой-ребенком, всегда готовой удивляться и наслаждаться полнотой бытия. Видимо, ей действительно было одиноко, и она вполне искренне радовалась моему обществу. С неожиданной непринужденностью мы перешли на «ты», как будто были давно знакомы и просто долго не виделись.

Спрашивая Ликку, куда мне ее проводить, я втайне надеялся на долгую дорогу за город и глухие московские пробки. Но оказалось, что они с отцом ненадолго переехали из громадного загородного дома в московскую квартиру в Хамовниках. Я невольно вздохнул: дорога от кортов займет не больше пятнадцати минут, против основного потока.

Но, к моему удивлению, Лика предложила поехать домой на метро.

– Люблю обычную жизнь большого города. – Объявила она. – Всегда мечтала ездить на метро, бегать по эскалаторам и смотреть на людей. Особенно когда они выходят на своих станциях. Мне нравится представлять, как они приходят домой, готовят ужин, общаются с семьей. У каждого свой мир. Миллионы маленьких миров в одном городе.

Я недоумевал, откуда в девушке, выросшей в загородном особняке и передвигающейся по городу в машине с водителем, появилась тяга к «обычной» жизни, но вполне разделял ее любовь к могучему, пульсирующему мегаполису. После нескольких лет, проведенных в Москве, я уже не мог представить свою жизнь в тихом городке.

Чем дольше мы разговаривали, тем ярче проявлялось сходство наших вкусов. Нам нравилась одна и та же музыка, сериалы, еда, погода, места и занятия. Это неожиданное сродство притупило во мне чувство вины за запретные эмоции. Традиция заезжать за ней на корт каждый вечер установилась как будто сама собой. Мы добирались до Фрунзенской, поднимались наверх и брели к ее дому, каждый раз выбирая все более запутанные маршруты. Лика и в самом деле любила метро. С живым любопытством она рассматривала людей в вагонах и время от времени бесцеремонно толкала меня локтем в бок, стараясь обратить мое внимание на заинтересовавшие ее детали. Ликина дружелюбная симпатия

к миру моментально рушила барьеры в общении: к пятому дню знакомства мне стало казаться, что я знал ее с детства.

В тот день я заехал за ней на корты задолго до конца тренировки и был удивлен, заметив знакомый силуэт в теннисном магазинчике. Лика азартно спорила с молодым человеком и размахивала перед ним ракеткой, в струнах которой зияла рваная рана. Под недоумевающим взглядом продавца я неслышно подкрался сзади. Прежде чем Лика успела заинтересоваться, на кого это он смотрит за ее спиной, я наклонился над ее ухом и промурлыкал:

– На чью голову надела ракетку?

Лика подскочила от неожиданности и резко обернулась, едва не хлопнув меня ободом по челюсти. Чтобы избежать опасного контакта с истерзанным спортивным инвентарем, я схватил ее за запястье. Грозно занесенная рука замерла в воздухе, и наши лица оказались в двадцати сантиметрах друг от друга. Заметив неожиданный испуг в ее глазах, я мгновенно разжал пальцы и принялся энергично оправдываться.

– Слушай, прости! Не хотел тебя напугать.

Выражение тревоги на лице девушки сменилось необъяснимым для меня прохладным недоумением. Я отступил на шаг назад.

– Ты чего? Я просто пытался пошутить. Не слишком удачно, но без всякого злого умысла.

Наконец девушка улыбнулась вкрадчивой кошачьей

улыбкой.

– А Вы, наверное, Егор? Сонин парень, да? Это Вас наш рациональный отец приставил нянчиться с младшей дочерью, пока старшая в отъезде?

Настала моя очередь в изумлении уставиться на собеседницу. Во всех мельчайших нюансах внешности это была Лика. И все-таки не она.

– А ты, то есть Вы... Вика? Ви... то есть вы близнецы?

– Мне кажется, это очевидно. – Улыбка на знакомом лице незнакомки стала шире. – Можно, кстати, и на «ты», раз уж вы с Ликой благополучно миновали официальный этап общения.

– Конечно, с удовольствием. Извини за нападение исподтишка. Я понятия не имел, насколько вы с Ликой похожи.

Она жестом отмахнулась от моих оправданий.

– Я привыкла, что нас путают. Мы ведем одинаковый образ жизни, одинаково одеваемся, тренируемся на одном и том же корте, ездим на одни и те же соревнования. Естественно, люди не всегда понимают, с кем из нас они общаются в каждый конкретный момент.

Вика рассуждала и формулировала свои мысли необычно для подростка, и ее манера говорить заметно отличалась от Ликиной. Пять минут назад я перепутал ее с сестрой, а сейчас удивлялся, насколько по-разному они себя ведут.

– А как ты догадалась, кто я?

Вика усмехнулась.

– Лика сообщила, что неделю жила под опекой Сониного парня. Призналась, правда, лишь когда я взяла ее за горло: до последнего старалась отмолчаться, коза! Почему-то никто не хочет делиться тобой с ближними. Даже с ближайшими ближними.

Действительно, за полтора года общения Соня так и не познакомила меня с сестрами. Впрочем, раньше мне это казалось естественным: мне и самому не слишком хотелось знакомиться со скучными хмурыми подростками, какими я их себе представлял. Но Лика (как, впрочем, и Соня) даже не упомянула, что они с Викой близнецы, и это было странно.

– В смысле, взяла за горло?

– Видишь ли, я со свистом продула в полуфинале, и мы с мамой вернулись на два дня раньше, чем планировали. Наше семейство живет уединенно и довольно сплоченно, поэтому обычно мы все скучаем друг по другу, когда разъезжаемся по разным местам. И вот мы вернулись вчера и обнаружили, что Лика с отцом, видите ли, переселились в Москву. Мало того, они и сегодня предпочли не менять свои планы и снова остаются в городе. Это Лика настояла на ночевке в Москве, а папа ее одну, конечно, не оставит. Пока мама препиралась по телефону с отцом, я позвонила Лике и пообещала замять расцветающий конфликт, но при одном условии: она расскажет мне, чем ее вдруг так заинтересовал московский каменный мешок. Помявшись, сестрица созналась, наконец, в знакомстве с Сониным парнем. Оказывается, вы теперь каждый

день катаетесь на метро и слоняетесь вечерами по улицам. Вообще-то история странноватая, да? Ты назначен нянькой для всех детей Пшеничниковых или только для Лики?

– Если ты про себя, то, честно говоря, не похоже, чтобы ты нуждалась в няньке. Вполне себе самостоятельный близнец.

– Хочешь сказать, я выгляжу старше Лики? – насмешливо прищурилась Вика.

Я пожал плечами:

– Не выглядишь: рассуждаешь. Так каким образом, в итоге, решился вопрос с Ликой? Я все еще нужен сегодня в качестве няньки, или она возвращается в родовое гнездо?

– Можешь продолжать нянчиться: я сказала маме, что Лика просто любит всякие городские обычности, как она это называет. А папа боится оставлять ее ночевать в одиночестве. Скорей всего, он пообещал ей на этот вечер какое-то запретное удовольствие. – Вика бросила на меня быстрый взгляд и рассмеялась. – Никакой интриги, успокойся: у нас спортивный режим, очень жесткий, но иногда папе становится нас жаль, и он разрешает чуть-чуть расслабиться. В отличие от мамы, которая непреклонна, но ничего не может поделать с отцом. Наверняка папа поведет Лику в итальянский ресторан, и они счастливо заточат там пиццу, карбонару и тирамису. Мама, в конце концов, сменила гнев на милость. Так что я приехала не за Ликой, а потренироваться и, главное, перетянуть ракетку. У них здесь крутой мастер, работает на кубках Кремля. Ракетку пока не перетянула, зато удо-

влетворила свое любопытство. Интересно все же посмотреть на бойфренда старшей сестры и няньку сестры-близнеца.

– И какие выводы?

Ли́ка вновь приподняла одну бровь и, глядя мне прямо в глаза, слегка пожала плечами.

– Пожалуй, на месте Ли́ки я бы тоже осталась ночевать в городе.

Хотя ее реплика относилась к совершенно невинной ситуации, Вика умудрилась произнести ее так, что в ней можно было найти сколько угодно смыслов. Я отчаянно надеялся, что все эти смыслы мне всего лишь почудились, иначе и без того непростая ситуация приобрела бы совсем драматический оттенок. Решение расстаться с Соней в ближайшее время давно уже созрело в глубине сознания. Было просто невыносимо встречаться с ней, видя, как параллельно взрослеет Ли́ка, превращаясь из девушки-подростка в ту девушку, на которой я хотел бы жениться. А теперь еще и Вика с своим загадочным немигающим взглядом и многозначными репликами. Несмотря на абсолютное внешнее сходство, близнецы оказались очень разными по характеру. Вика была на редкость интересным собеседником, но влюбился я все же в смешливую, любознательную и невинную Ли́ку.

– И все-таки, кто из вас старше?

Вика вновь расплылась в кошачьей улыбке.

– И все-таки Ли́ка, на целых пятнадцать минут. Я просто умнее. Шучу! – добавила она прежде, чем я успел хоть как-то

отреагировать. – Вон, кстати, идет твоя воспитанница, мокрая, как мышь.

Лица, вспотевшая и покрасневшаяся, быстро шагала по длинному коридору, чуть склоняясь вперед под тяжестью огромного теннисного рюкзака.

– Неужели кого-то вздули в полуфинале? – Поприветствовала она сестру, улыбаясь при этом безмятежно и дружелюбно.

– По сравнению с теми некоторыми, кто сдулся сам еще до начала турнира, полуфинал – несомненный успех. – Весело огрызнулась в ответ Вика.

– Без компании сдувшихся некоторые дальше полуфинала не проходят! Сдувшиеся, похоже, чей-то талисман.

Наивная перепалка близнецов казалась совершенно безобидной, привычной манерой общения. В ней было много детской неуклюжести и ни капли конкуренции или зависти. Этот вывод меня неожиданно обрадовал. По отдельным фразам Вики и говорящему молчанию Лики я начал было подзревать, что отношения между близнецами довольно противоречивые. А мне необъяснимо хотелось видеть девушек идеальными во всем.

Позже, когда мы с Ликой кружили по переулкам между Фрунзенской и Плющихой, я осторожно спросил ее, почему она умолчала о сестре-близнеце.

– Повода не было. – Лаконично ответила она, не глядя на

меня. А потом вдруг обернулась и горячо заговорила, остановившись посреди тротуара.

– Думаешь, так легко быть близнецом? Ошибаешься! Ты вот, например, знаешь, что уникален, со всеми своими достоинствами и недостатками. А теперь попробуй себе представить: ты настолько не уникален, что тебя все время путают с другим человеком. Называют тебя чужим именем, интересуются у тебя чужими делами, поздравляют с чужими успехами. А бывает и хуже: многие нас воспринимают как единое целое. Даже собственные родители! Никто никогда не использует наши полные имена, Виктория и Александра, только Вика и Лика. И это в лучшем случае. С нашими одинаковыми светлыми шевелюрами мы во всех постоянных компаниях всегда были просто Пшенички. А иногда вообще Пшенки, для краткости. Сначала мы ходили в одну школу, потом начали заниматься у одного тренера, и вообще у нас почти одинаковый образ жизни. Папа очень хочет, чтобы мы добились успеха в теннисе, вместе или по отдельности. И ему, в принципе, все равно, какая из Пшеничек прорвется наверх. Мы для него единый проект, в котором кто-то должен взлететь, а кто-то сядет на скамейку запасных. Ни у отца, ни у матери в нашей паре нет любимчиков, представляешь?

Я взял ее за локоть и тихонько подтолкнул вперед: наша резкая остановка посреди тротуара уже вызвала пешеходную пробку. Меня поразила неожиданная для юной девушки

проницательность. Похоже, не только Вика в этой паре одарена вполне взрослым критическим мышлением.

– Ну не знаю... Лично я вполне себе вижу разницу между вами.

Лица удивленно и чуть недоверчиво распахнула и без того огромные глаза.

– Правда? И в чем же она?

– Вы по-разному думаете и, кажется, немного о разном. Первое проявляется в том, как вы разговариваете, а второе – в темах, которые вы выбираете. Хотя, конечно, мне сложно судить: тебя я знаю пять дней, а Вику – десять минут.

Выражение ее лица потеплело.

– Значит, ты все же заметил разницу! Так и есть: мы действительно думаем о разном, а если об одном и том же, то по-разному. Мы с Викторией это знаем, но больше почти никто.

Лица

Одиночество. Абсолютное, полное, нерушимое одиночество. Оказывается, я воспринимаю его как глухую тишину, пронзительный свет и бестелесность. Оказывается, одиночество – это свобода. Ты пыль, взвешенная в воздухе, не укорененная травинка, лодчонка без якорей. Оказывается, ни я, ни Вика не догадывались, что были единым целым: в каждой из нас больше Пшенички, чем самой себя. Чтобы осознать наше единство, нужно было остаться одной. Никто больше

не уравнивает меня в этой жизни, и я абсолютно свободна. Хотя... я смотрела на Егора, который разговаривал по телефону, поминутно бросая на меня встревоженные взгляды. Вот человек, с которым я связана намертво, сильнее, чем была связана с сестрой-близнецом. Он просто до боли красив, он стал даже еще красивее с тех пор, как я увидела его впервые, в кабинете отца. С возрастом ярче проявился рельеф скул и жесткая линия челюсти, а очертания рта утратили юношескую мягкость. Взгляд тоже изменился: в нем стало больше иронии и меньше нежности. С тех пор, как Егор несколько лет назад приобщился к теннису, упорные тренировки превратили его красивую фигуру в совершенную. Я смотрела на мужа, но думала о другом человеке. О невысоком, нескладном, уютном Дане, который сейчас, как и я, пытается смириться с внезапным одиночеством. У Дани приятное округлое лицо с крупным, породистым носом и глубокие, умные, пронизательные глаза. Интеллект – главная его черта, которая сквозит буквально во всем: в том, как он разговаривает и двигается, как улыбается и даже молчит. Уютный Данька, лишившийся одного из главных смыслов жизни – Вики. Он, конечно, справится, рано или поздно. Но каково ему будет все время смотреть на меня, точную копию его жены?

Я познакомилась с ними одновременно, однако почти не заметила его тогда, настолько ошеломляющее впечатление произвел на меня Егор. По-настоящему я рассмотрела Да-

ню уже во время нашей следующей встречи, ставшей первой для него и Вики. Мало что в этом мире я люблю больше, чем весну. Не какую угодно, а именно нашу, московскую, полностью преображающую огромный город. Весна начинает мне сниться с сентября, а ее предчувствия я ловлю всю долгую зиму, чуть ли ни каждое утро проверяя, как увеличилась длина светового дня. Вика была другой: она обожала солнечную осень, но даже и к дождливой относилась неплохо. Ей было уютно смотреть на дождь за окном. А весна, с ее «глуповатым птичьим и человеческим чириканьем», Вика раздражала. Для меня же весна – единственная гарантия счастья. В жизни можно потерять все, но весна все равно наступит вновь, когда придет ее час в вечном цикле сезонов. Вот только со мной никогда не случилось весной ничего знаменательного, за исключением встречи с Егором.

Пять весенних дней после нашего знакомства стали камертоном счастья: Егор, весна, озаренная солнцем Москва и длинные вечерние тени на нагретом асфальте. И свобода. Свобода будущего, распахнутого навстречу миру, а не свобода пустоты, в которую я погрузилась теперь. Наши встречи прекратились, как только мама с Викторией вернулись из Хорватии, а мы с отцом переехали обратно. Но у меня не было сомнений в новой встрече с Егором. Несмотря на свои пятнадцать лет и сумбур в голове, я прекрасно понимала, что произошло между нами в отцовском кабинете. Я видела ошеломленную неподвижность его позы и расширенные зрачки,

превратившие его темные глаза в черную бездну. Я влюбилась в него молниеносно и знала, что с ним произошло то же самое. Егор явно принадлежал к числу людей, готовых на многое ради достижения своих целей. Если я стану его целью, то он от меня не отступится, несмотря на мой возраст, отношения с Соней и пугающую удаленность наших миров.

Конечно, в моих рассуждениях было много эгоцентричной детской самоуверенности, но в итоге я оказалась права. Пару недель мы переписывались в WhatsApp, изо всех сил делая вид, что между нами решительно ничего не происходит. «Как тренировка?» – «Отрабатывала дроп-шот, пока рука не оторвалась» – «дроп што?» – «Вырастешь – узнаешь. А у тебя што?» – «def __call__(self, *dt, **tp)» – «Барабанишь по клавише, как дятел?» – «Сама дятел: весь день стучишь по мячу». Вся эта бессмыслица доставляла мне огромное удовольствие, но в ней также прятался скрытый тактический смысл: мы ждали момента, когда будущая встреча сама собой, с неумолимой закономерностью зародится в паутине словесного пинг-понга и станет неизбежной. Прямого пути ни у меня, ни у Егора не было. Отец точно не одобрил бы мой подростковый флирт со взрослым парнем старшей сестры, а у Егора ставки были еще выше. Мы с Викторией рано сообразили, что ни при каких обстоятельствах не можем доверять свои тайны виртуальному пространству. В семь лет, едва научившись внятно излагать свои мысли в письменной форме, мы со вкусом обсуждали в личной переписке в Ин-

стаграме побег из летнего дома в Испании и паломничество в Сантьяго да Компостелла. И были очень удивлены, когда нам сочно влетело от мамы за день до запланированного выступления. Запертые в четырех стенах до конца каникул, мы напрягали скромные аналитические способности семилеток в попытках вычислить, каким образом мама могла узнать нашу страшную тайну. И догадались, наконец, что за ее неожиданной осведомленностью стоит отец, пожелавший остаться в тени. В интернете для него не существовало недоступных закоулков, поэтому мы больше никогда не выходили в виртуальное пространство, если хотели сохранить свои мысли и действия в тайне. Только невинный и тщательно дозированный детский щебет, чириканье, призванное продемонстрировать нашу нормальность, обычность и полное соответствие возрастным особенностям. Тренированная осторожность помогла нам сохранить тайну намного более грозную, чем наивные детские побеги из дома. Лишь много позже, поняв, что мои личные секреты никому больше не интересны, я стала понемногу нарушать табу.

Повод для встречи представился недели через три после знакомства. Помимо учебы и работы в «Айвилесе», Егор с Даниилом входили в «*dreamteam*» факультета и год за годом занимались организацией дней мехмата и прочих студенческих тусовок, неотразимо привлекательных для таких общительных от природы, но зажатых в тисках экстерната и спор-

та подростков, как мы с Викой. Вообще я тайно мечтала поступить в МГУ (все равно на какой факультет: у меня были туманные представления обо всех областях деятельности, кроме тенниса) и жить задорной, шумной, упоительно беспечной студенческой жизнью, какой она представлялась мне в моих далеких от реальности фантазиях. Когда Егор описывал мне детали планируемого мероприятия, я изнемогала от зависти к участникам феерии, посвященной техническим фантазиям двадцатого века. А потом в среде «оргов» очень кстати случился форс-мажор: одна из двух студенток-близняшек, которым предстояло участвовать в сцене телепортации, сделала татуировку на руке. Необходимо было срочно спасти номер – и Егор обратился ко мне. Точнее, к нам с Викторией. От нас ничего не требовалось, никаких репетиций. Наша задача оказалась легче легкого: одна должна была в нужный момент зайти в «кабину телепортации», похожую на телефонную будку, а вторая – выйти из такой же кабины, стоящей в десяти метрах от первой. «Короткой репетиции перед началом программы будет достаточно!» – заверил меня Егор.

Вика отреагировала на его предложение с таким же энтузиазмом. Ей тоже было скучновато в интенсивной рутине наших будней.

– Сонька, скорей всего, обидится: мы позволили себе договориться с Егором напрямую, минуя ее.

– Она же никогда ничем таким не интересовалась, никогда

ничего не оргала. Какая ей разница?

– В этот раз заинтересуется и поедет с нами, вот увидишь. Дело не в дне мехмата, а в Егоре, который общается с тобой за ее спиной. Я осмотрительно ей сказала тогда, что мы с ним познакомились случайно, но вряд ли ее это успокоило.

– Особенно ты: специально же приехала на корты.

Вика ухмыльнулась:

– Мне было интересно посмотреть на парня моих сестер.

У меня непроизвольно напряглись мышцы шеи:

– В смысле?

– Кого ты пытаешься обморочить? Меня? Не знаю, с первого ли взгляда, но к тому моменту, как ты отказалась поменять планы и вернуться из Москвы домой на день раньше, все с тобой уже было понятно. Ну и ты тоже ему явно небезразлична, иначе зачем устраивать весь этот цирк с телепортацией? Для того, чтобы скрыть татуировку, вполне достаточно было надеть перчатки.

– Даже если и так, ситуация безнадежна: мы с тобой в глазах общественности еще дети, а Егор – Сонькин парень и, к тому же, работает у папы.

– Скажем так: ситуация похожа на безнадежную. Соньке пока ничего не грозит, но она все равно обидится. Хотя ее попытки удержать Егора закончатся предсказуемо безнадежно. Сестра у нас, конечно, очень способная и все такое, но внешность у нее вполне себе заурядная. А у Егора уровень – «бог». Не знаю уж, по какому недоразумению (или по како-

му расчету) он с ней встречается, но долго это не продлится. Не ты, так другая обязательно придет ей на смену. Она и сама наверняка прекрасно это понимает, поэтому и нервничает. Вспомни, как она отреагировала, когда я ей сказала о знакомстве с Егором. Сколько она с тобой не разговаривала? Неделю? Слава богу, тебе только пятнадцать, иначе ты огребла бы по полной программе. Подумать только: такая спокойная обычно Сонька превращается в кобру, когда дело касается ее Егора.

Я поежилась. Мне очень, очень хотелось встречаться с Егором, но можно было не сомневаться, что заплатить придется высокую цену.

– Да уж. Ты права: надо ей вечером все рассказать.

Вика, конечно же, оказалась права. Соня обиделась на Егора, прохладно разговаривала с отцом и самой Викой, не удостоила меня и парой слов, а солнечным воскресным утром в День мехмата решительно отправилась с нами на тузовку, которая до этого несколько ее не интересовала. Мы приехали за полтора часа до начала: нужно было быстро отрепетировать свой выход и временно исчезнуть с места действия, чтобы случайно не стать спойлерами самим себе. Минут десять мы переминались с ноги на ногу возле монументальных ступеней высотки, дожидаясь опаздывавшего Егора. Бойкая музыка оживляла пространство, стайки студентов в ярких костюмах сосредоточенно занимались

последними приготовлениями. Я рассеянно наблюдала за ними, но мой взгляд все время стремился вниз, к скверу, раскинувшемуся у подножия университетского зиккурата. Прямоугольник между величественными зданиями затопила неистовая бело-розовая пена цветущих яблонь, вишен и еще черт знает каких деревьев.

– Я к фонтану! – Не дожидаясь возможных возражений, я поспешно нырнула в густую цветочную пену. И от предпраздничной суеты осталась лишь музыка, остальное скрылось из глаз за облаком сумасшедшего цветения.

Я бесцеремонно влезла на гранитный парапет фонтана и вдруг заметила девушку в странном наряде, сиявшем блеском красного металла. Волосы у нее были рыжие и, казалось, сами излучали свет. Глядя на нее, я вдруг вспомнила о бронзовокожих и золотоглазых марсианах Брэдбери.

– Какой у Вас нереально красивый костюм! – Восхитилась я.

Девушка приветливо улыбнулась в ответ.

– Я Медь, проводник электричества. Это моя роль на празднике. – Добавила она, видимо, прочитав недоумение на моем лице.

– Здорово! А я объект телепортации, точнее, пол-объекта. На мгновение девушка замерла.

– Вы сестра Сони? Егор уверял, что у него есть идеальная замена для нашкодивших близнецов, и, надо признать, оказался прав. Вот, кстати, и он. – Она кивнула в сторону

дорожки, ведущей к ГЗ, подняла руку в знак прощания и зашагала в противоположном направлении, мерцая инопланетным костюмом.

– Постарайся не шлепнуться на скольком граните. Если Вика войдет в свою кабинку целой и невредимой, а ты выйдешь, держась за отбитый локоть и прихрамывая, мы получим идеальную антирекламу телепортации.

Я расхохоталась. Егор смотрел на меня снизу вверх и улыбался обезоруживающей, чуть ироничной улыбкой.

– Ну давай, слезай! – Он протянул мне руку и осторожно взял меня за пальцы.

– Красивая девушка. – Я кивнула вслед мерцающей Меди. Егор бросил на нее мимолетный взгляд.

– Это Кристина, наша с Даней однокурсница. Ну все, слезай.

Спускаясь, я поскользнулась на полированном камне, он поддержал меня и вдруг, не отпуская, начал говорить, негромко и быстро.

– Другой возможности может и не представиться, поэтому придется обойтись без прелюдий. Я влюбился в тебя с первого взгляда, по самые уши, как бы глупо это ни звучало. Ты еще ребенок, и сейчас между нами ничего не может быть. Видишь, я даже не спрашиваю, как ты ко мне относишься: ты слишком мала, чтобы это осознавать. Но таких как ты – одна на миллиард, и вероятность встретить вторую такую же стремится к нулю. Поэтому я буду ждать, пока ты подрас-

тешь и, если мне повезет, влюбишься в меня. Я в любом случае расстанусь с Соней, даже если пока я тебе безразличен. Просто не могу встречаться с другими девушками, зная, что в этом мире есть ты. Нам будет не так просто общаться в ближайшее время: слишком мало объективных поводов. Но я буду ждать тебя и рано или поздно появлюсь в твоей жизни, хорошо?

Я не сомневалась в симпатии Егора, но меня ошеломили его прямота и решимость. Колени мои вдруг размякли, и я стекла бы на асфальт, как растаявшее мороженное, если бы Егор не держал меня за плечи.

– Я тоже! Я тоже люблю тебя!

Он яростно замотал головой, призывая меня замолчать.

– Ничего не говори! Ты еще...

– Ребенок, знаю! Но я очень быстро вырасту, обещаю! Хотя я еще и не способна ничего осознавать, но тебе проще будет выполнить все, что ты сейчас тут перечислил, зная, как сильно я тебя люблю.

Егор попытался закрыть мне рот ладонью, но я ловко увернулась.

– И буду любить тебя вечно, пока не умру!

Я встала на цыпочки и, прежде чем он осознал мои намерения, поцеловала его. Это был не первый поцелуй в моей жизни, но единственный, который я помнила долгие годы. И до сих пор его помню, и буду помнить всегда.

Мы поспешили к гранитным ступеням ГЗ, а за нашим воз-

вращением внимательно следили три пары глаз: настороженно прищуренные – Сонины, серые, со смешливыми искорками – Викины, и умные и добрые – Даниила. Именно тогда я впервые по-настоящему заметила его. Как и Егор, он был темноглазым и темноволосым, но во всем остальном выглядел полной противоположностью своего друга. Лицо Егора словно высечено из камня, у Дани же все черты смягчены и округлы, за исключением крупного носа с легкой горбинкой. Егор казался атлетом-олимпийцем, а невысокий, чуть полноватый Даня выглядел уютным, как панда. Что-то в нем располагало к себе с первых секунд знакомства. Впрочем, после признания Егора весь мир казался добрым, прекрасным и дружелюбным, и в этом замечательном мире Даня первым попался мне на глаза. И с тех пор я всегда видела в нем друга. Нет, Друга – умного, доброго, справедливого.

Умный, добрый и справедливый Данька, впрочем, обменялся со мной лишь парой шуточных фраз: все его внимание на долгие годы сосредоточилось на Вике. А внимание Егора – с того момента и на весь оставшийся праздник – сосредоточилось на Соне. Но я не чувствовала ни ревности, ни зависти. Это был последний раз, когда они считались парой, и Егор пытался хоть немного смягчить для нее будущее расставание.

Наша «телепортация» удалась, как и последующее «разоблачение» фокуса. Участники завершающей День мехмата дискотеки с любопытством рассматривали двух брызжу-

щих весельем клонов, неистово веселившихся в гуще юной неугомонной толпы. И все вокруг, как мне казалось, тоже были счастливы.

Даниил

Столько всего нужно сделать! Внезапная гибель молодой активной женщины из большой семьи влечет за собой немыслимое количество действий, которые должен исполнить убитый горем вдовец. Каждое из них само по себе ужасно, но в своем множестве они становятся спасением. Шаг за шагом, звонок за звонком, поездка за поездкой, разговор за разговором, объятие за объятием я буду выстраивать путь из безмятежного «до» в беспросветное «после». Мне хотелось просто добраться до дома и закрыться от всех на несколько дней, один на один с воспоминаниями. Но я знал, что у меня не будет этих дней: слишком многое нужно сделать. Страшнее пытки посмертными хлопотами и соболезнованиями станет пытка СМИ. Еще бы: трагически погибла известная теннисистка, финалистка турнира Большого шлема. Волна нездорового любопытства схлынет уже через пару недель, но как их пережить?

Егор встретил меня в аэропорту. Он не пытался выражать соболезнования, и я был ему благодарен: любые попытки утешить в такой ситуации неуклюжи и бессмысленны. Я и так понимал, что он оплакивает Вику, с которой был очень

дружен все эти годы, и мучительно переживает за меня, Алису и Викиных родителей. Пока мы бесконечно долго ехали из Шереметьево в Замоскворечье, он рассказывал неизвестные мне подробности прошедшего дня.

– Мы временно переехали к Пшеничниковым вместе с Алисой. Думаю, сейчас нам лучше держаться вместе. Мальцам ничего пока не сказали, но они, конечно, по поведению взрослых догадываются, что случилась какая-то трагедия. Алиса нуждается в тебе, в твоём постоянном присутствии рядом с ней. Не хочешь прямо сейчас поехать к Пшеничниковым? Пообщаешься с дочкой...

Я покачал головой. Даже самых близких мне пока не хотелось видеть. Завтра я перееду в семейную крепость, но сегодняшней вечер мне нужно провести дома, в опустевшем особняке, где мы успели прожить лишь неполных шесть лет.

– Хочешь, я сегодня переночую у тебя?

Я вновь отрицательно покачал головой, хотя и понимал, что мне предстоит ужасная ночь: горе и джетлэг превратят ее в крошечный ад. Но я должен пройти через эмоциональную мясорубку: если выдержу, завтра будет немного легче. Егор бросил на меня быстрый взгляд и вновь уставился на дорогу.

– Понимаю. Слушай, сегодня утром я получил интересный звонок от нашего давнего знакомого.

За четырнадцать часов дороги у меня было время подумать о многом, и я не удивился его словам. Три года назад мы оказались на грани потери «Айвилиса», чей успех привлек

внимание людей столь же могущественных, сколь и бесцеремонных в своих методах. Для отражения атаки нам пришлось создать оружие намного более умное, чем безжалостная кувалда рейдерства. Таким оружием стал младший брат Диогена – Диоген-2 Турритопсис – саморазвивающийся искусственный интеллект. Мы шутили, что рейдерские атаки выступают катализатором инновационного развития, однако втайне всегда оставались настороже: простят ли нам рейдеры-неудачники свое поражение или попытаются отомстить, рано или поздно?

– От Балахванцева?

– Угу.

– Что говорил?

– Он сожалеет о случившемся, такая трагедия... В общем, вертелся, как уж на сковородке, ничего прямо не сказал, но довел-таки до меня мысль, что ни он, ни те, кто за ним стоит, не причастны к трагедии. Но я все-таки запустил Турритопсиса: пусть сам убедится в искренности Балахванцева.

Я кивнул.

– Это обязательно должно быть сделано. Будет даже неплохо, если Турритопсис слегка наследит. Наши горе-рейдеры лишней раз убедятся, что мы не блефуем и сохраняем бдительность. Хотя скорей всего они ни при чем: это был бы абсолютно бессмысленный и рискованный шаг, гарантирующий им инспекцию Турритопсиса. Смерть Вики – просто безумная случайность.

– Я тоже так думаю, друже. Поэтому бесит полиция, которая сначала долго ковырялась у вас дома, выискивая отсутствующие улики, а теперь еще и настояла на вскрытии. Видимо, какие-то внутренние протоколы требуют его проведения в таких случаях. Тут ничего не поделаешь, но очень не хочется сообщать им о наших подозрениях. Упомянуть Балахванцева без упоминания о Турритопсисе не получится, а посвятить полицию в его существование – это спилить сук, на котором мы все сидим. Я искренне, от всей души надеюсь, что нам не придется делиться с полицией подробностями рейдерской атаки трехлетней давности.

– Не придется. Балахванцев с компанией наверняка ни при чем, и полиция ничего не найдет.

Но они нашли.

Я провел самую жуткую ночь в своей жизни в тупом оцепенении, сидя на полу гостиной и привалившись спиной к стене. В стакане, стоявшем на полу рядом со мной, густым янтарным светом мерцало налитое до краев виски, но я к нему так и не притронулся. Бессмысленно. Все бессмысленно, включая алкоголь. Время остановилось, да и вся моя жизнь остановилась в те невыносимо долгие часы. Ранний июньский рассвет разлился по саду молочным туманом, а я так и сидел на полу, не в силах сдвинуться с места. Лишь когда утреннюю тишину разрушил непрерывный гул машин на Новокузнецкой и глухие удары молотов на соседней строй-

ке, я сполз на пол и заснул, утратив восприимчивость к действительности.

Лежавший рядом айфон взорвался возле моего уха резкой трелью звонка, и я отреагировал почти инстинктивно.

– Слушаю.

– Даниил Маркович? С Вами говорит замначальника ОМВД по району Замоскворечье Займидорога Андрей Алексеевич, я провожу дознание в связи со смертью Вашей супруги.

Я мучительно потер ладонью лоб: голова раскалывалась от боли. Внезапно на меня, вдобавок ко всему остальному, обрушилась лютая мигрень. Впрочем, это было даже к лучшему – мигрень лишает способности думать и притупляет все чувства, кроме боли.

– Нам необходимо задать Вам несколько в связи со вновь обнаруженными обстоятельствами. Когда Вы сможете подъехать в отделение? Это срочно.

Пытаясь осознать услышанное, я надавил пальцами на виски. Какие к черту могут быть новые обстоятельства? Займидорога... Ничего не скажешь, повезло мужику с фамилией.

– Слушайте, я провел бессонную ночь, у меня джэтлэг и мигрень. Максимум, на что я сейчас способен, – это наглотаться таблеток и лечь спать. Какие бы ни были у вас обстоятельства, я никуда не пойду. Если вам нужно, приезжайте сами: через час придет домработница, она вас впустит.

Не дожидаясь реакции Займидороги, я отключил теле-

фон.

Проснувшись во второй раз, я почувствовал себя заметно лучше. Таблетки подействовали, приступ мигрени прошел, я относительно выспался и вновь обрел способность мыслить более или менее ясно. Неуверенно, словно в незнакомом доме, я вышел из кабинета, где в затмении сознания двумя часами ранее улегся почему-то вместо спальни, и побрел на кухню в надежде на чашку эспрессо. На кухне меня встретила наша домработница Оксана – еще молодая крашеная блондинка с быстрыми, точными движениями и островатыми чертами лица. На ее приятной физиономии застыло немного странное выражение: Оксана явно была расстроена, однако, очутившись в эпицентре трагических событий, она как будто получала от происходящего потаенное первобытное удовольствие. Впрочем, в тот момент женщина была скорее напугана.

– Вас там ждут... То есть в гостиной сидят полицейские. Двое. Они пришли, пока Вы спали, я им сказала, что Вы спите, они сказали, что подождут. Показали удостоверения. Я их провела в гостиную, ничего? Предлагала им чай, они отказались. Я их не могла не впустить, они показали удостоверения!

Я невольно поморщился: высокий Оксанин голос ввинчивался в мою еще не вполне восстановившуюся после мигрени голову.

– Все в порядке, пойду поговорю с ними. Принесите мне двойной эспрессо, хорошо? И, на всякий случай, им тоже.

Освещенная солнцем гостиная казалась даже больше, чем была на самом деле. Оба незнакомца повернули головы в мою сторону и окинули меня одинаково непроницаемыми взглядами. Один из них деликатно устроился на диване, а второй стоял у окна, опираясь рукой на подоконник. Именно он заговорил первым. Он был примерно моего возраста и роста, мускулистый и плотный, с красивым, но brutальным лицом.

– Даниил Маркович? Мы разговаривали с Вами сегодня утром. Надеюсь, Вы уже лучше себя чувствуете? – не ожидая ответа, он продолжил, кивнув в сторону приблизившегося ко мне второго гостя. – Загуменнов Игорь Олегович, эксперт-криминалист.

Невнятно поздоровавшись, я взглянул на эксперта: он явно был старше, с невыразительной внешностью, но неожиданно (или ожидаемо) цепким взглядом. Загуменнов и Займидорога из ОМВД Замоскворечья – при других обстоятельствах мне понравился бы фонетический каприз.

– Криминалист?.. А разве здесь есть фронт работ для криминалиста? О чем вы, собственно, хотите со мной поговорить?

В этот момент вошла Оксана с подносом, на котором мелодично позвякивали чашки, сливочник, сахарница и блюдо с какими-то кексами, и засуетилась возле кофейного столи-

ка. Островок нормальности в моем стремительно разрушающемся мире. Мы расселись по креслам возле столика. Я торопливо, с бульканьем, бросил в чашку сразу три куска сахара, кое-как размешав, жадно выпил темную горько-сладкую жидкость и почувствовал, как постепенно возвращается привычная ясность сознания. Мои «гости», наполнив чашки до краев сливками, размеренно и, похоже, с удовольствием, отхлебывали свой кофе, давая мне время окончательно прийти в себя. Наконец Займидорога отставил чашку в сторону и слегка подался вперед.

– Скажите, Вы не замечали в последнее время в поведении Вашей жены чего-либо необычного? Не была ли она чем-то расстроена?

Я молча уставился в пол. Замечал ли я что-то необычное? Неправильная постановка вопроса, господа. Было ли замеченное мной необычным – вот как нужно ставить вопрос. Впрочем, ответ на него я вряд ли узнаю.

– Пожалуй, нет. Вика занималась дочерью и теннисной школой, общалась с сестрами... Мы не ссорились, и я не замечал особых изменений в ее поведении. Правда, в последнее время я был занят на работе больше обычного. А в чем, собственно, дело?

– «Последнее время» – это какой период?

– Где-то полгода: у нас сразу три масштабных проекта приблизились к финальной стадии, часто приходится оставаться в офисе до глубокой ночи.

– Ваша жена не принимала никакие медикаменты?

– Что вы имеете в виду? Лекарства? Нет, насколько я знаю. Принимала биодобавки, самые обычные. Омега-3, протеин, элементарные витамины. Можете сами взглянуть, если хотите.

Займидорога кивнул.

– Вы упоминали таблетки, которые принимаете сами. Регулярно?

– Ни в коем случае! У меня бывают иногда приступы мигрени, к счастью редко. Обычно хватает нурофена, но в этот раз пришлось принять еще и номигрен. Стандартный препарат, купирующий приступы мигрени. Опять же, можете сами убедиться: они валяются где-то в кабинете. А в чем дело?

На этот раз ответил криминалист.

– В шкапулке на консоли в гостиной обнаружили пустые упаковки от лоразепама и клозапина. Однако в организме вашей жены эти вещества не обнаружены.

– А что это?

– Лоразепам – транквилизатор, а клозапин – довольно мощное психотропное средство.

Я, наконец, начал понимать, почему в ситуации, которая выглядела как несомненный несчастный случай, полиция настояла на вскрытии.

– Препараты от психозов, хотите сказать? Нет, это исключено: Вика не страдала никакими психозами. И никакими аддикциями тоже не страдала. Она же спортсменка! Тем бо-

лее, вы сами сказали: она ничего такого не принимала перед смертью.

– Мы лишь можем констатировать, что на момент смерти в ее организме не было психотропных и наркотических веществ. Хотя действительно, патологоанатомы не обнаружили никаких признаков регулярного употребления подобных препаратов. Но возникает вопрос: откуда взялись пустые блистеры? Кому принадлежали препараты, куда исчезли сами таблетки, и кто положил блистеры в шкатулку? Насколько я понимаю, ни Вам самим, ни вашим детям они не назначались?

– Неет. – медленно протянул я и добавил после паузы. – Никому из нас ни транквилизаторы, ни психотропные средства не назначались.

– Но?.. – Займидорога уловил мое замешательство и выжидающе смотрел на меня. – У Вас появилось предположение?

Я замялся. Предположение у меня и в самом деле возникло, но я испытывал большие затруднения с тем, как его озвучить.

– Видите ли, у нас в семье – я имею в виду семью в широком смысле – есть только один человек, который довольно долго принимал и, возможно, все еще иногда принимает транквилизаторы. Совершенно легально, по назначению врача. Много лет назад у Пшеничниковых трагически погиб младший сын. На тот момент ему было семь лет, а девочкам,

то есть близнецам Вике и Лике, – девять.

Займидорога и Загуменнов быстро переглянулись.

– Трагично, но ведь это было давно?

– Девятнадцать лет назад, да. Но мне кажется, Алена – их мать – так до конца и не восстановилась. Я познакомился с ней через семь лет после трагедии: она жила в каком-то своем мире и держалась довольно отстраненно. По словам Вики, из-за тяжелого расстройства сна Алена годами принимала снотворное. После рождения внуков к ней до некоторой степени вернулся интерес к жизни, но честно говоря, она всегда оставалась... как бы это сказать?.. погруженной в себя. Что будет с ней теперь, после смерти Вики, я даже боюсь представить.

– А при каких обстоятельствах погиб их младший ребенок?

– У них был дом на севере Испании, где они проводили лето. Он, по рассказам Вики, стоял на скалистом берегу. Все было безопасно, если не перелезть через ограждения и не карабкаться по скалам. Мальчик куда-то там забрался и сорвался вниз.

– И по Вашему мнению, Пшеничникова по-прежнему принимает транквилизаторы?

– Скорей всего. Во всяком случае, если у кого-то в семье и есть к ним легальный доступ, то только у нее. Но я абсолютно не представляю себе, как они могли оказаться у нас дома.

– Как часто Пшеничникова приезжает к вам в гости?

– Очень редко: Алена крайне неохотно покидает свой загородный дом, даже ненадолго. Она, кажется, и раньше не слишком любила Москву, а после смерти Вани утратила интерес к миру за пределами семейного, скажем так, поместья. При этом и мы с Викой, и Лика с Егором, и Соня с Олегом – частые гости у Пшеничниковых. Внуки проводят у них часть лета, Новый Год мы тоже обычно встречаем за городом. Дом Пшеничниковых – практически наше семейное гнездо, центр притяжения. Но, возвращаясь к Вашему вопросу: Алена у нас почти не бывает. Последний раз они с Сергеем приезжали чуть меньше года назад, в сентябре, кажется. Крайне маловероятно, что она привезла сюда эти лекарства. Если они вообще с ней как-то связаны. Кстати, на блистерах же должна быть указана дата производства. Могли они столько лежать здесь?

Два «З» вновь переглянулись.

– Быстро мыслите. – Нейтральным голосом бросил Займидорога. – Лоразепам произведен в этом году.

– То есть не могли. Понятно. Слушайте, да бог его знает, откуда они взялись, эти таблетки! В конце концов, здесь бывают разные люди. Помимо Оксаны у нас посуточно работают две няни, регулярно приходят уборщицы и садовник. Они, конечно, не разгуливают по дому свободно, но в некоторые помещения, в том числе в гостиную, заходят многие. Кроме того, мы часто устраиваем небольшие вечеринки для топ-программистов «Айвилиса» и друзей-однокурсни-

ков. Программисты в большинстве своем люди довольно интровертные, поэтому тимбилдинг для ценных сотрудников приходится проводить в камерном формате. Последняя тусовка была на майские праздники: пикник в саду. В этой среде, кстати, прием психотропных препаратов – не редкость. Кто-то увлечен биохакингом, кто-то работает ночи напролет, кому-то нужно креативить...

– А Вы сами?

– Категорически нет: слишком дорожу своим мозгом. В общем, я не верю, что таблетки имели какое-то отношение к моей жене. Вы же сами сказали: в ее организме этих препаратов нет.

– В организме – нет, но на ладонях обнаружены следовые количества обоих веществ.

Моя хрупкая надежда на то, что гибель Вики и загадочные блистеры в шкатулке никак не связаны, рассыпалась в прах. Кто-то открыл ящик Пандоры, и теперь нам придется иметь дело с последствиями.

– И какие, по-вашему, из этого следуют выводы? – спросил я то ли Займидорогу, то ли криминалиста, переводя взгляд с одного на другого.

– Пока недостаточно информации для каких-либо выводов. Мы должны дополнительно осмотреть дом. Не возражаете?

Я безнадежно покачал головой.

– Делайте, как считаете нужным.

– Кстати. – Словно невзначай добавил Займидорога. – Вы не знаете, почему Виктория в тот день осталась дома? Насколько я понял, они с сестрой практически каждый рабочий день проводят в теннисной школе.

– Понятия не имею: я же был в Сиэтле. Лучше спросить у Лики.

– По словам Александры, Виктория заранее предупредила ее о своем отсутствии в тот день, сославшись на дела. Какие конкретно дела, Александра не знает.

– Я разговаривал с Викой накануне по телефону, но она ничего мне не рассказывала о своих планах.

– А как часто складывалась ситуация, когда Виктория оставалась дома одна?

Я задумался.

– Честно говоря, не слишком часто: как видите, у нас большое хозяйство, требующее постоянной заботы. У нас маленький ребенок, за которым присматривает няня. Правда, лето дочь обычно проводит в загородном доме. Вика бы- том практически не занималась, соответственно, у нас почти каждый день присутствует домработница Оксана (вы с ней знакомы) либо ее сменщица, Анжела. Часто приходит садовник. Полное отсутствие в доме людей в день смерти Лики довольно необычно. А что вам сказала Оксана?

Займидорога смотрел на меня непроницаемым взглядом.

– Оксана утверждает, что Виктория по собственной инициативе, без всякой просьбы с ее стороны, дала ей дополни-

тельный выходной на этот день.

Я замер: поступок Вики был странным и очень говорящим.

– То есть получается, она сознательно хотела остаться одна?

– По крайней мере, все выглядит именно так. – Подтвердил Займидорога, зародив во мне противоречивые чувства. Я не мог решить, какое предположение пугает меня больше: то, что моя жена готовила самоубийство или что нашлись обстоятельства, ставящие эту версию под сомнение.

Егор

Когда я вернулся из офиса, Лики еще не было дома: они с Соней уехали за город к родителям. Там временно жили все дети – и наш Ванечка, и Данина Алиса, и Сониная троица. Зато я обнаружил на террасе Даню, рассеянно созерцавшего крыши соседних домов. В ногах, устроив крупную морду на Данином тапке, комфортно развалился наш золотистый ретривер Ренуар, а голубоглазая кошка Офелия бесцеремонно устроилась у него на коленях. По моему настоянию Дания временно переехал к нам, чтобы не оставаться в одиночестве в пустом доме. Из-за возобновившейся после необъяснимой находки активности полиции наш план (пересидеть самые тяжелые времена в семейной крепости Пшеничников) провалился: всех нас по очереди то допрашивали, то

отправляли на дактилоскопию, то снова допрашивали. Даня практически постоянно находился в эпицентре дознавательской деятельности.

Увидев меня, он молча кивнул и вновь перевел взгляд на крыши. Я подошел к балюстраде – передо мной открылся умиротворяющий городской пейзаж. Было начало десятого, но безоблачное небо над городом все еще пламенело закатными красками. Теплый вечер разливался по тенистым улицам Хамовников, на которых царило оживление, вполне закономерное для начала летних выходных. Как хорош был бы этот вечер при других обстоятельствах... Мозг искал передышки от непомерного груза нависшей над нами трагедии, и мне потребовалось усилие, чтобы оторваться от созерцания безмятежной июньской Москвы.

– Ну как ты пообщался с Займидорогой? Есть новости?

– И да, и нет. Они разворошили весь дом. Займидорога, надо отдать ему должное, действует очень методично: все было перевернуто с ног на голову на предмет транквилизаторов и буквально «отсканировано» на предмет отпечатков пальцев. Ну ты и сам в курсе: вы же прошли дактилоскопию. Еще он составил что-то вроде графика, кто и когда побывал у нас дома в последнее время, и выстроил примерную последовательность посещений. Все эти поиски, впрочем, практически ничего не дали: никаких незнакомых отпечатков они не обнаружили. Естественно, Оксана с приходящей уборщицей многое вычистили до получения результатов вскрытия,

но оставшиеся слои отпечатков примерно соответствуют тому, кто и сколько времени проводил на кухне и в гостиной.

– Ну то есть ничего настораживающего он не нашел? – спросил я с тайным вздохом облегчения.

– За исключением одной детали. На блистерах из-под таблеток, которые почему-то лежали в шкатулке... помнишь, такая черная лаковая штука, похожая на опрокинутый нью-йоркский небоскреб? Стоит на консоли в гостиной. Так вот, на блистерах не обнаружили никаких отпечатков пальцев.

– И как они это интерпретируют? – осторожно спросил я, хотя мне сразу стало понятно, что никакая интерпретация не сулит ничего хорошего.

– Пока я не услышал ни единой версии, только вопросы. – Нейтральным тоном продолжил Даня. – Но мне и самому нечего было им сказать: я понятия не имею, каким образом можно было не оставить отпечатков пальцев на поверхностях, как будто специально созданных для того, чтобы их оставлять. И не понимаю, зачем нужно было протирать пустые блистеры перед тем, как положить их в шкатулку.

– Слушай, на основе единственной детали, пусть даже и странной, невозможно выстроить ни одной убедительной гипотезы.

– Невозможно, ты прав, зато эта деталь дала Займидороге повод под новым углом взглянуть на некоторые мелочи, на которые до этого он не обращал внимания.

– Например?

– Например, два барных стакана в практически пустой посудомоечной машине. Там было еще несколько предметов, но в целом получается, что машину запустили почти вхолостую, ради двух бокалов, кофейной чашки и тарелки. Ее содержимое никого не интересовало, пока не всплыло это странное отсутствие отпечатков на блистерах. Вот тогда-то Займидорога и присмотрелся к посуде повнимательнее.

– Ты хочешь сказать, что два стакана смотрятся подозрительно, если Вика была дома одна? Но ведь могло быть немало причин, почему ей понадобились именно два стакана. Это ничего не доказывает.

– Не доказывает, зато дополняет коллекцию странных фактов. Блистеры без отпечатков, следы препарата у Вики на ладонях при его отсутствии в организме, падение на ровном месте именно тогда, когда в шкатулке неизвестно откуда появились упаковки из-под антидепрессантов, а теперь еще и два стакана в посудомойке.

– А что показала камера видеонаблюдения?

– Ничего интересного. Она направлена на ворота и калитку рядом с ними, то есть можно увидеть, кто въезжает или входит на территорию особняка. За весь день камера зафиксировала только два факта: Викина машина выехала за ворота около трех часов дня, а через пару часов вернулась обратно. По записи вполне очевидно, что за рулем была именно Вика и никто другой в машине не сидел. Кроме Вики, никто не въезжал и не выезжал, не входил и не выходил, ни через

ворота, ни через калитку . Кстати, Лика рассказала тебе, почему Вика в тот день не поехала в теннисную школу?

Я помялся.

– Ну, я ее спрашивал, конечно. Вика заранее предупредила, что в четверг планирует заняться собственными делами. Ты же знаешь: они сами тренируют некоторых учеников, поэтому в случае отсутствия им нужно своевременно подыскивать другого тренера.

Даня, наконец, оторвался от созерцания крыш и поднял на меня глаза.

– Думаешь, Вика сознательно освобождала четверг?

– Ну ты же сам видишь: она отпустила Оксану и нашла себе замену на тренировки. Эти факты, кстати, уменьшают остроту вопроса о присутствии в доме постороннего. Тем более к вам на территорию никто и не входил, кроме самой Вики. Через ваш забор так просто не перелезешь.

– Перелезть можно, но придется оставить на заборе ключья одежды и кожи: по периметру специально высаживали самые неприступные растения, плюс верх забора усеян острыми пиками. Займидорога с компанией, кстати, все осмотрели и не нашли никаких следов незаконного проникновения. Но есть одно «но». Помнишь небольшую калитку в дальнем углу сада?

– Первый раз слышу.

– Ну да, ты не большой любитель прогулок по саду. В общем, кроме основного входа на территорию, есть еще техни-

ческий, которым никто не пользуется. Он выходит в совершенно безлюдный закуток между дворами соседних домов. Фактически калитка никому не нужна, поэтому постоянно заперта, ключи от нее валяются где-то в доме. И ее не контролируют никакие камеры.

– И? Там есть следы взлома?

– Следов взлома нет, но и отпечатков на ней тоже нет.

– Хочешь сказать, Займидорога с компанией проверили и ее?

– Ты знаешь, он оказался на удивление методичным. В общем, отпечатков на ней нет никаких. С одной стороны, это логично, раз ею никто не пользуется. Но с другой – хоть что-то же там должно было остаться, хотя бы на уровне следов отпечатков. Неужели ни садовник, ни Алиса, ни ее няньки, ни Оксана ни разу к этой калитке не подходили?

– И что это, по-твоему, означает?

Даня тяжело вздохнул.

– Понятия не имею. Просто еще один необъяснимый маленький факт. И знаешь, Егор, я не уверен, что хочу над этим задумываться.

Я его прекрасно понимал.

– Ну хорошо, тогда давай попробуем подойти с другой стороны и исключить любое стороннее присутствие. Логично начать с Балахванцева и компании: Турритопсис не нашел никаких дигитальных свидетельств их причастности. Кроме того, у них вообще не было мотива, да и странные факты

говорят не в пользу этой версии. Нет никаких свидетельств присутствия в вашем доме постороннего человека. Да, барных стаканов оказалось два, но при этом отсутствуют следы борьбы и отпечатки пальцев неизвестного происхождения. К незнакомцу, явившемуся в перчатках в теплый июньский день, Вика вряд ли отнеслась бы с таким доверием, что предложила бы джин-тоник или кампари-оранж. Значит, если – гипотетически, конечно, – кто-то и заходил в дом...

Я замаялся. Даня медленно поднял на меня глаза.

– Понимаешь теперь, почему я не хочу об этом думать?

Я давно уже все понял – и тоже не хотел об этом думать. Но все же надеялся, что в процессе разговора рассеются самые потаенные, самые пугающие предположения. Внутренне напрягшись, я упрямо озвучил то, о чем мы оба так не хотели думать.

– Получается, войти через калитку с помощью ключа и получить свой напиток мог только знакомый Вике человек, который, к тому же, ухитрился не оставить не идентифицированных отпечатков пальцев.

– В том-то и дело. – Негромко произнес Даня, не глядя на меня. – Но Займидорога уже успел проверить алиби всех, чье знакомство с Викторией лежит на поверхности. Вы с Пшеничниковым безвылазно сидели в офисе, Лика с Соней провели вместе почти всю вторую половину дня, Алена с детьми и нянями была на даче, Олег – у себя в офисе. Полиция проверила даже Оксану и садовника: они тоже весь вечер были

на виду. На этом, собственно, исчерпывается круг очевидных знакомых, у кого мог быть – гипотетически, как ты говоришь – доступ к ключу от калитки. Тупик.

Очевидный круг исчерпывался, но оставался неочевидный. Возможно, в числе ее знакомых был кто-то, кому Вика сама дала ключ от проклятой калитки. Кто-то, кто не мог себе позволить засветиться на камере видеонаблюдения. Кто-то, чье присутствие в доме Вика хотела скрыть: ведь именно она прекрасно знала о существовании как камеры видеонаблюдения, так и калитки. Я задумался, старательно отводя глаза от Дани. Могла ли она завести любовника? Дерзкая, циничная, самоуверенная, шокирующе красивая Вика, экс-звезда тенниса и владелица успешной теннисной школы, могла завести сколько угодно любовников, если бы захотела. Хотела ли она этого? Возможно. Мог ли любовник в пылу страстей случайно убить ее? Опять же возможно. Но в эту историю совершенно не вписывались таблетки. Отравление такого рода похоже на спланированное убийство, и способ казался мне скорее женским, чем мужским. Я решительно отмел эту гипотезу.

– На мой взгляд, отсутствие отпечатков на калитке означает лишь, что ей давным-давно никто не пользовался. Самое странное в этой истории – ситуация с таблетками. Не понимаю, как она могла сложиться, если там был кто-то еще. Больше всего это похоже на...

Я умолк на полуслове. Даня бросил на меня понимающий

взгляд и продолжил за меня:

– На самоубийство, которое пошло не так. Это ты хотел сказать?

– В общем, да. Черт его знает, почему на блистере нет отпечатков пальцев. Может, Вика просто случайно их стерла после того, как извлекла все таблетки. Хотя, честно говоря, я не могу себе представить, какие у нее могли быть причины. – Я помялся и неловко продолжил. – А у тебя нет никаких предположений?

Упорно глядя в пол, Даня покачал головой.

– Понятия не имею, да и вообще слабо в это верю. Ты же знал Вику: присутствия духа ей было не занимать. Займидорога, кстати, тоже спрашивал, были ли какие-то изменения в Викином поведении в последнее время.

– И что ты ответил?

– Принялся яростно доказывать, что ничего необычного не было. Но чем дольше я над этим думаю... – Даня бросил на меня серьезный, мрачный взгляд. – Пожалуй, в последнее время кое-что все-таки изменилось.

– В смысле?

– Не знаю, как объяснить... Ничего радикального, но, скажем так, интенсивность Викиных эмоций несколько выросла. По модулю, то есть и в плюс, и в минус, понимаешь? С одной стороны, она эмоциональнее выражала свою привязанность, а с другой – как-то отстранилась от нашей повседневной жизни. Но все это было не очевидно, я действительно не

замечал ничего в моменте, только постфактум, когда вообще начал задумываться на эту тему.

Даня поднял на меня глаза и, видимо, выражение моего лица заставило его насторожиться.

– Егор, говори как есть. Не пытайся щадить мои чувства, выкладывай начистоту. С кем еще мы можем быть откровенны, как не друг с другом?

Данька был прав: вот уже пятнадцать лет мы шли по жизни плечом к плечу, ни разу не обманув доверия друг друга даже в мелочах. В тяжелых ситуациях мы действовали без малейших сомнений друг в друге. А сегодняшняя ситуация была самой тяжелой из тех, с какими нам довелось сталкиваться.

– Пару недель назад я случайно подслушал часть разговора Лики с Викой. Они были здесь, на террасе, и не услышали, как я вошел в квартиру. В часы пик здесь бывает довольно шумно. Так вот, Лика говорила Вике что-то вроде: «Нет, ты этого не сделаешь. Ты вообще осознаешь последствия? Это повлияет на каждого, неужели тебе самой не очевидно?» В этот момент я вышел на террасу, и Лика тут же замолчала на полуслове, а потом перешла на невинные темы.

– И ты не спросил, что они обсуждали?!

– Хотел спросить, но Лика бросила Вике фразу типа «потом поговорим про Францию». Вика как-то упоминала о своей идее продать долю в совместной теннисной школе и открыть собственную, во Франции. Я подумал, что она собра-

лась переезжать, а Лика ее отговаривает. Они обе вели себя очень естественно, легко переключились на разговор со мной, и позже у меня не возникло даже мысли о возвращении к этой теме. Черт! Я похоже, повел себя как доверчивый идиот.

– Ну а что ты должен был подумать? Это только теперь мы во всем начали видеть повод для подозрений, а раньше жизнь казалась почти безоблачной. Да, действительно, Вика пару раз заводила разговор о школе во Франции. Но вряд ли разговор, который ты услышал, касался этой темы. Кстати, тебе не кажется, что с тех пор, как я к вам переехал, Лика стала меня избегать?

– С чего бы вдруг? Думаю, у нее просто мало времени: так много всего сразу на нее обрушилось: родители, Ванька с Алисой, теннисная школа, которую она теперь тянет одна.

Но, перечисляя Ликины сложности, я начал осознавать, что Даня, пожалуй, прав: Лика избегала общения с ним, буквально со дня его возвращения из Сиэтла. Она явно переживала за него, возможно даже больше, чем за Алису и Алену, и тем не менее не поехала со мной в аэропорт его встречать. А с тех пор, как Даня переехал к нам, Лика стала возвращаться домой лишь поздно вечером. Утром она либо убежала чуть свет («много работы»), либо оставалась в постели до тех пор, пока мы с Даней не уезжали на офис («неважно себя чувствую»). Внезапно я ощутил внутри неприятный холодок: в поведении Лики что-то было очень и очень не так.

Пока я размышлял, Даня внимательно наблюдал за мной, словно пытаясь угадать, о чем я думаю.

Я невольно вздохнул.

– Возможно, ты и прав.

Он кивнул.

– Сначала я думал, что Лике в ее горе просто тяжело общаться еще и со мной, помимо отца, мамы и малышни. Но после нашего с тобой разговора начинаю подозревать, что у ее поведения могут быть другие причины.

– Лучше не мучиться подозрениями, а дождаться ее возвращения и прямо спросить об их загадочном разговоре.

Лика вернулась около полуночи. Мы с Даней караулили ее в гостиной: два предыдущих вечера, пользуясь нашим пристрастием к террасе, она незаметно проскальзывала в спальню и не выходила оттуда до утра, ссылаясь на адскую усталость.

Услышав, как хлопнула входная дверь, я поспешил навстречу жене.

– Мы здесь, Лик! Ждем тебя в гостиной.

Через минуту она бесшумно вошла и, быстро кивнув, замерла на месте, настороженно переводя взгляд с меня на Даню и обратно. После разговора с Даней я вдруг увидел ее другими глазами. Лика явно похудела за последнее время, неулыбающиеся серые глаза казались непропорционально большими на осунувшемся лице. Копна пшеничных во-

лос была небрежно усмирена резинкой, но отдельные пряди, освободившиеся за долгий день, подчеркивали гордый изгиб шеи. Как же она красива! Кажется, Лика стала еще прекраснее с тех пор, как мы с ней познакомились. Какое счастье, что она жива, и я не потерял ее. Эта мысль часто посещала меня после гибели Вики, но впервые она не вызвала во мне чувства неловкости. Я поспешил к ней и порывисто обнял, не стесняясь присутствия Дани. Лика так же порывисто ответила на мое объятие. Я повел ее к дивану.

– Малыш, я понимаю, ты устала, но появились новые обстоятельства, которые нам надо обсудить.

Лика, не сопротивляясь, села рядом со мной, тесно прижавшись к моему боку. Она молча выслушала Данин рассказ о странных находках у него дома, однако вздрогнула при упоминании о блистерах. Когда же я спросил Лику о подслушанном разговоре с Викторией, ее пальцы инстинктивно вцепились в колени. Однако она твердо стояла на своем: у Вики не было неприятностей, не было мыслей о самоубийстве, ее гибель – трагический несчастный случай. Их разговор касался Викториной идеи продать теннисную школу. Блистеры в шкапулке и пудру из таблеток на руках она прокомментировать не могла, но была уверена, что для них тоже есть какое-то вполне невинное объяснение.

– Нет невинных объяснений. – произнес Дания нейтральным тоном, от которого повеяло арктическим холодом. – Все возможные объяснения далеки от невинных. Не имею пред-

ставления, осознаешь ли это ты, но мы с Егором прекрасно понимаем, и Займидорога, между прочим, тоже. Судя по первым впечатлениям, он так легко не успокоится: вытащит на поверхность любую мелочь, разворошит прошлое каждого члена семьи и рано или поздно что-нибудь найдет.

– Например? – В Ликином голосе послышался легкий скепсис.

– Как минимум докопается до существования Турритопсиса.

– До чего? – в замешательстве спросила Лика.

Мы с Даней переглянулись. До сих пор о существовании нашего непревзойденного детища знали лишь три человека – Пшеничников, Даня и я, но, видимо, пришло время посвятить в эту тайну и Лику.

– Турритопсис, или Диоген 2, – усовершенствованная версия нашего бестселлера, Диогена 1. Его ты знаешь: это основа нашего бизнес-благополучия. По сравнению с Диогеном 1, возможности Турритопсиса в области... скажем так, хакерства сильно расширены. Мы разработали его для защиты «Айвилиса» от рейдеров и сохранили подробности в узком кругу, во избежание лишних слухов и страхов. В общем, утечка данных о Турритопсисе совершенно неприемлема. Как только полиция о нем узнает, у нас начнутся такие «сложности», что мы в два счета лишимся компании. И это как минимум: на самом деле трудно даже спрогнозировать, как они отреагируют на существование такой програм-

мы, как Турритописис.

Ли́ка бросила на меня испуганный взгляд.

– Это правда?

– К сожалению, да. Если Займидорога докопается до истории, которая привела к созданию Турритописиса, он эту тему так просто не отпустит. От утечки информации о Турритописисе всего один шаг до обвинений в шпионаже или в чем-то похуже. Хотя куда уж хуже.

– А те люди, из-за которых вы создали своего Турритописиса, точно не могут быть причастны к смерти Вики?

Мы с Даней вновь переглянулись.

– Ты же минуту назад утверждала, что смерть Вики не может быть ничем, кроме несчастного случая. – Небрежно произнес Даня, внимательно глядя на нее.

– Я совсем забыла про ту историю с рейдерами. Вы старательно защищали нас от излишних подробностей. Опираясь на доступную мне информацию, я почти не сомневаюсь в несчастном случае, но, возможно, вы знаете больше.

– Мы с Егором пустили Турритописиса по следам несостоявшихся рейдеров, но он не обнаружил никакой активности в наш адрес с их стороны. Убийство Вики было бы для них действием бесполезным и опасным.

– У меня есть идея. – Я говорил, осторожно подбирая слова. – Правда, она вам вряд ли понравится. Пусть Турритописис проанализирует активность Вики за последние, допустим, год-два. Глубже искать вряд ли понадобится. Если ее

смерть не несчастный случай, то корни убийства или самоубийства лежат в относительно недавнем прошлом. Если там есть хоть какая-нибудь мелочь, за которую можно зацепиться, Турритописис ее найдет. А мы потом решим, поставить ли в известность Займидорогу или, наоборот, попытаться зажать информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.